



Депутатъ отъ Россіи.

(Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой).

Г Л А В А П ¹).

В о в р е м я в о й н ы.



распорѣчіе Гладстона, поддерживаемое организаціей Чемберлена и энтузіазмомъ сѣверныхъ провинцій, не могло сдѣлать ничего болѣе, какъ обезпечить нейтралитетъ правительства. Пока нѣтъ опасности Египту, Суэзскому каналу и Константинополю, англійское правительство будетъ придерживаться строгаго нейтралитета. Фактъ, что Россія сражалась, чтобы довести до конца то, что англійское правительство находило справедливымъ, считался ни во что, премьеръ и небольшое меньшинство охотно помогли бы туркамъ воспротивиться требованіямъ, которыя Англія же подписала на Константинопольской конференціи и въ протоколѣ; Гладстонъ и меньшинство охотно бы соединились, чтобы заставить турокъ подчиниться требованіямъ Европы. Но большинство народа, недостаточно образованное, чтобы понять нравственныя обязательства, налагаемыя парижскимъ трактатомъ, не понимающее возможности содѣйствія въ международной эволюціи и лишенное чувства этики къ своему долгу, какъ членовъ соединенныхъ государствъ Европы, предпочло быть въ сторонѣ, предоставивъ русскимъ и туркамъ рѣшить вопросъ въ бою.

Партія Гладстона, огорченная своимъ безсиліемъ остановить войну, утѣшалась сознаніемъ, что она сдѣлала невозможнымъ для лорда Биконсфильда поднять оружіе за турокъ противъ Россіи.

¹) См. „Русская Старина“ декабрь, 1910 г.

Когда началась война, никто такъ горячо не молился объ успѣхѣ русскихъ войскъ, какъ искренніе и энергичные люди, сочувствующіе призыву Гладстона. Дѣло Россіи было для нихъ свято. „Сѣверное божество“, „Великій Бѣлый царь“, эти выраженія казались естественными и правильными милліонамъ англичанъ. Русскіе идутъ на смерть за справедливое и правое дѣло. Каждая побѣда русскихъ возбуждала восторгъ, каждая неудача огорчала, какъ оскорбленіе. Россія была не формально, но на дѣлѣ уполномоченнымъ всего человѣчества. Она была знаменосецъ просвѣщенія и за успѣхами ея слѣдили во многихъ англійскихъ домахъ съ такимъ искреннимъ восхищеніемъ и сочувствіемъ, какъ будто Александръ II былъ тотъ же Людовикъ Святой, отправляющійся избавлять гробъ Господень отъ невѣрныхъ.

Ольга Алексѣевна писала Гладстону три дня спустя послѣ объявленія Кроссомъ условій нейтралитета въ палатѣ общинъ.

„Нѣмецкія и французскія газеты предполагаютъ, что нельзя довѣрять нейтралитету Англии, и что очень большія суммы (изъ Индійскаго бюджета) даны уже Турціи. Повидимому, также Критъ будетъ взятъ англичанами. „Страннаго свойства нейтралитетъ Англии“, саркастически замѣчаетъ г-жа Новикова. Первое ядро, попавшее на Дунаѣ въ русскіе ряды, было выпущено англійскимъ адмираломъ изъ англійской пушки на суднѣ англійской постройки, среди восторженныхъ рукоплесканій англійской прессы.

Назначеніе Гобарта-паши командиромъ турецкаго флота, съ которымъ онъ нападалъ на русскіе прибрежные города и не допускалъ грековъ занять Θεσσαλίю и Эпиръ, служили предметомъ постояннаго раздраженія. Многие требовали наказанія ему, какъ нарушителю объявленнаго нейтралитета, но напрасно. Гобартъ не былъ единственнымъ, какъ Ольга Алексѣевна разъ съ горечью замѣтила:

„У турокъ множество добровольцевъ изъ Англии, несмотря на указъ Ея Величества. Вы послали адмирала командовать турецкими броненосцами и генерала (въ видѣ эпитиміи) командовать турецкой арміей. Были другіе волонтеры, но между ними большая разница. Наши добровольцы жертвовали всѣмъ, семьей, домомъ, друзьями, родиной, самой жизнью, чтобъ освободить своихъ братьевъ, и треть изъ нихъ пала въ Сербіи. Ваши менѣе идеалисты, наоборотъ практики, они продали за деньги свои услуги и, кажется, всѣ успѣли позаботиться о сохраненіи своей жизни“.

Въ турецкой арміи состояли на половинномъ жалованьѣ англійскіе офицеры: два полковника, три маіора, семь капитановъ и одинъ адъютантъ, большинство изъ нихъ въ противорѣчіе объявленному нейтралитету оказывали дѣятельное противодѣйствіе успѣху русскихъ.

И это не все. Разослана была прокламація греческимъ инсургентамъ двумя англійскими консулами Блентъ и Мерлинъ, въ которой Россія описывалась какъ „великій общій врагъ Европы“; обѣщалось, что Англія позаботится объ ихъ правахъ послѣ того, какъ врагъ будетъ изгнанъ изъ ихъ страны.

Не удивительно, что при наличности такихъ фактовъ русскіе смотрѣли на такъ называемый британскій нейтралитетъ, какъ на маску, скрывающую вражду, только до удобнаго времени.

Русская армія наконецъ двинулась. 17-го мая генералъ Лорисъ-Меликовъ взялъ Ардаганъ.

Переходъ черезъ Дунай совершился 17 (28) іюня, и все шло хорошо. Генералъ Гурко быстрымъ и смѣлымъ движеніемъ занялъ Іени-Загру; его передовой отрядъ былъ восторженно привѣтствуемъ болгарами. Пылкія сердца въ Англіи и въ Россіи уже надѣялись на скорое паденіе турецкой власти подъ ударами русскихъ мечей.

Но вдругъ произошла перемѣна. Русскія войска вмѣсто постоянныхъ побѣдъ стали испытывать пораженія. Османъ-паша отнялъ Плевну 8-го іюля и сразу сталъ возводить земляныя укрѣпленія, за которыми турки могли противостоятъ непрерывнымъ нападеніямъ русской арміи до декабря. Генералъ Гурко долженъ былъ очистить южныя балканскія долины, и русскіе съ трудомъ удерживали Шипкинскій проходъ.

Ихъ непреклонная храбрость однако взяла верхъ. Турки, жестоко мстившіе поселянамъ, которые выражали радость своимъ русскимъ избавителямъ, не имѣли силы вытѣснить русскихъ изъ прохода. 18-го іюля русскіе подъ командой генерала Криднера атаковали Плевну и были отбиты съ потерей 5.000 человекъ. Война прервалась въ Азіи и въ Европѣ на все лѣто.

Г. Фриманъ, проводившій лѣто въ Греціи, писалъ г-жѣ Новиковой:

26-го іюня 1877 г.

„Нѣтъ, я не получалъ письма отъ королевы греческой, но я имѣлъ разговоръ съ королемъ. Никогда до этого я не говорилъ съ монархомъ, и меня немного удивило, что разговоръ его таковъ же, какъ всякаго другого человека, т. е. онъ говорилъ гораздо свободнѣе о положеніи дѣлъ, чѣмъ я могъ ожидать.

„Мы чудно провели время въ Греціи. Никогда я не пользовался такимъ вниманіемъ. Мы имѣли канонерскую лодку для плаванія по окрестностямъ и на острова. Меня сопровождала восторженная толпа народа, я имъ говорилъ рѣчи, точно выборы въ Англіи. Я не думалъ, что буду въ состояніи произносить рѣчи на

греческомъ языкѣ: удалось кое-какъ, мѣшая старый языкъ съ новымъ.

„Но среди моихъ грековъ я не забывалъ своихъ славянъ. Я всегда прибавлялъ такую фразу: греки и другіе восточные христіане въ Греціи очень страшатся Россіи и Болгаріи. Боятся, что Россія проведетъ невыгодную для нихъ границу. Я говорю имъ, что если это такъ, то они должны сами энергично добиваться исполненія своихъ требованій. Но доброе слово отъ Васъ было бы полезно“.

Живя на востокѣ, г. Фриманъ ни на минуту не забывалъ внутренней распри на родинѣ. Вотъ, что онъ писалъ мнѣ 16-го іюня:

„Кричите громко и не падите. Борьба идетъ великая между Англіей и Лондономъ, т. е. то, что зовется Лондономъ, общество и все, что идетъ вверхъ до Стаффордъ-Гауса. Надо держать людей на той же высотѣ эту осень, какъ и прошлую, иначе еврей можетъ вовлечь насъ не знаю во что, какъ только закроется парламентъ. Вамъ, на сѣверѣ, надо предводительствовать, какъ дѣлали Ваши прадѣды въ дни Великой хартіи. Мы здѣсь, я надѣюсь, тоже сильны, доказательство — приемъ Гладстону въ январѣ и теперь. У Васъ рѣдкая способность поднимать вопросы, такъ пожалуѣста трубите по епархіи. Я прибавлю, пусть услышатъ евреи, не въ смыслѣ Саулова призванія, но въ такомъ, чтобы евреи слышали и дрожали. Есть впрочемъ шансъ, что вскорѣ царству архиепископа придетъ такъ или иначе конецъ. Такъ я слышалъ въ Лондонѣ“.

Какъ только русскіе переступили турецкую границу, туркофильская пресса, во главѣ съ англійскимъ посломъ сэръ Генри Лейардомъ, подняла вопль противъ русской жестокости. Г-нъ Фриманъ въ письмѣ къ г-жѣ Новиковой отъ 21-го іюля говоритъ:

„Я допускаю, что казаки совершили некрасивые поступки, подобно тѣмъ, какіе дѣлали англичане въ С.-Себастьянѣ, французы въ Алжирѣ и вообще всѣ вездѣ. Я не изъ турецкой лжи это знаю, но изъ телеграммъ корреспондента „Таймсъ“. Дѣло въ томъ, что турецкія безчинства награждались и повышались. Турецкіе офицеры, которые себя вели хорошо, были наказаны. Я предполагаю, что русскій военный судъ поступитъ обратно, но я желаю какъ можно скорѣе убѣдиться, что онъ такъ поступилъ.“

Все идетъ блестящимъ образомъ. Я хотѣлъ здѣсь остаться нѣсколько мѣсяцевъ, до конца года, если же Св. Софія получитъ новое крещеніе раньше, я долженъ буду двинуться и просить Васъ достать мнѣ билетъ“.

Наступилъ августъ. Парламентъ былъ открытъ 14-го августа рѣчью королевы съ самыми миролюбивыми увѣреніями. Семь дней

спустя началась продолжительная борьба за удержаніе Шипкинскаго прохода, длившаяся до 20-го сентября.

Все время отъ конца августа до половины ноября, когда русская армія не имѣла успѣха въ Азіи и въ Европѣ, туркофильская печать не переставала сыпать на нее обвиненія; почти всѣ военные корреспонденты признавали, однако, что русскіе обращались съ непріателемъ съ необыкновеннымъ человѣколюбіемъ и самообладаніемъ, но турки, помня, какъ ихъ уличали въ жестокостяхъ въ Болгаріи въ 1876 г., повидимому, возымѣли мысль, что, для обезпеченія себѣ побѣды, необходимо обвинять русскихъ въ той же жестокости. На эти турецкія обвиненія г-жа Новикова отказала въ любезности отвѣчать.

Г-нъ Гладстонъ, неоднократно намекавшій на равнодушіе русскихъ къ клеветѣ, счелъ себя обязаннымъ публично коснуться ссылокъ на русскую безчеловѣчность. Онъ написалъ два письма г-жѣ Новиковой, вѣроятно, въ отвѣтъ на ея укоры по этому поводу.

3 августа 1877 г.

„Дорогая г-жа Новикова, если бѣ Вы могли видѣть англійскія газеты, Вы бы узнали все, а изъ нѣкоторыхъ болѣе того, что я бы могъ сказать Вамъ о себѣ. Восточный вопросъ, мучительный для Россіи, продолжаетъ беспокоить и насъ. Говорить можно о нейтралитетѣ, но, отклонивъ безчестно, по моему мнѣнію, исполненіе своей обязанности передъ правой стороной, мы въ постоянной опасности очутиться въ борьбѣ за неправую. Пререканія въ парламентѣ очевидно продолжаются, и подъ вліяніемъ извнѣ, благоразумная часть предотвратила каждый дѣйствительный шагъ турецкой партіи въ этомъ направленіи, давъ намъ миролюбивыя увѣренія, въ то время какъ другую сторону удовлетворили смѣшнымъ усиленіемъ Мальтійскаго гарнизона.

„Ваше откровенное сужденіе объ англійской политикѣ меня не смущаетъ, намъ полезно видѣть свои недостатки и знать, какъ на насъ смотрятъ другіе. Намъ необходимы такія сужденія; жаль, что наши газеты не любятъ печатать ихъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда онѣ до смѣшнаго преувеличены. Я думаю, что между націями честное свободное сужденіе, безъ изъятія, полезно для обѣихъ сторонъ. Я только-что примѣнялъ это правило къ моей странѣ, въ статьѣ о Борнео по поводу рѣчи въ нижней палатѣ, а также по поводу другой—объ Египтѣ. Надѣюсь прислать Вамъ обѣ на-дняхъ. Въ послѣдней я говорилъ о насиліяхъ, приписываемыхъ русскимъ и болгарамъ. Эти доводы очень серьезны. Россіи, конечно, судить, насколько стоитъ оспаривать, а если позволяютъ.

факты, то опровергать ихъ. Но помѣшать заблужденію большей части здѣшней публики, вѣрящей имъ безусловно, можно только изобличеніемъ ложныхъ обвиненій и строгимъ наказаніемъ справедливыхъ. Хотя турецкое правительство явно лжетъ, но, какъ правительство, оно имѣетъ право на отвѣтъ, и хотя его увѣренія такъ многосложны и не ясны, что точно отвѣчать на нихъ очень трудно, все же иногда возможно, и я искренно надѣюсь, что на это будетъ обращено должное вниманіе, такъ какъ это дѣло большой важности. Я писалъ объ этомъ графу Шувалову и лорду Дерби и напечаталъ въ концѣ моей статьи объ Египтѣ.

Вы, можетъ быть, помните, что я писалъ Вамъ на счетъ Черной книги о Польшѣ. Какъ успѣхъ Германіи обратилъ мысли Англии въ сторону Франціи, такъ продолжительный успѣхъ Россіи произведетъ подобное же вліяніе на менѣе разсудительную часть народа. Но я съ огорченіемъ вижу, что были серьезныя неудачи послѣ атаки Плевны; всѣ разумные люди должны желать, чтобы вы довели Турцію до скорѣйшаго и хорошаго мира. Я не удивляюсь словамъ, которыя приписываютъ Виллерсу. Въ этомъ вопросѣ онъ, я думаю, настоящій партизанъ. Это совершенно другой умъ, чѣмъ у его брата, лорда Кларендона, котораго мы лишились въ 1870 г. Какъ лицу, имѣющему отношенія къ настроенію у насъ, Вамъ можетъ быть интересно узнать, что мѣстные выборы продолжаютъ быть неблагопріятными правительству Биконсфильда. Такъ было въ каждомъ случаѣ за послѣдніе двѣнадцать мѣсяцевъ за исключеніемъ одного, двухъ, по совершенно особеннымъ причинамъ.

Гладстонъ.“

Хавардень 30 августа 1877 г.

„Дорогая г-жа Новикова. Я не увѣренъ, которое изъ моихъ писемъ огорчило Васъ, какъ Вы говорите въ своемъ письмѣ отъ 26-го, полученномъ мною сегодня. Если это, прилагаемое мною теперь, то не знаю, почему бы оно произвело такое впечатлѣніе. (Копія изъ газетной вырѣзки, присланная въ предыдущемъ письмѣ: г-нъ Гладстонъ о жестокостяхъ. 14 августа 1877 г. То былъ отвѣтъ корреспонденту, просившему Гладстона сказать свое мнѣніе о жестокостяхъ, приписываемыхъ русскимъ, какъ онъ это дѣлалъ относительно турокъ. На это почтенный джентльменъ отвѣчалъ 10-го августа: „Милостивый государь. Я чувствую, что письмо Ваше внушено справедливостью и челоуколюбіемъ. Прежде всего мы должны убѣдиться въ томъ, что событія дѣйствительно произошли, и въ томъ, кто ихъ совершалъ. Народъ въ прошломъ году не волновался о Болгарскихъ жестокостяхъ, пока онѣ не были удосто-

вѣрены. Насколько мнѣ извѣстно, теперь дѣло стоитъ иначе. Безстыдная, всеобщая ложь турецкаго правительства лишаетъ ихъ показанія всякой цѣны. Есть однако довольно доказательствъ о многихъ ужасныхъ поступкахъ. Я самъ былъ бы очень благодаренъ всякому, кто далъ бы мнѣ способъ судить, относятся ли они къ русскимъ или болгарамъ. Преданный Вамъ Гладстонъ).“ Будь Вы здѣсь, Вы бы лучше поняли, что дѣлается. Помните, какъ я предупреждалъ Васъ о вліяніи, которое будетъ имѣть извѣстіе о насиліяхъ въ Польшѣ, если они не будутъ опровергнуты. Это самое случилось и теперь. Несомнѣнно, что многое зависитъ отъ эгоистическаго желанія вѣрить извѣстіямъ о злоупотребленіяхъ русскихъ, справедливы они или нѣтъ, но въ настоящую минуту всѣ, кто склоненъ къ этому, а именно высшій классъ, армія и торн увлечены теченіемъ. Я принужденъ быть очень осторожнымъ въ словахъ, я подвергаюсь у насъ безпрестаннымъ нападкамъ какъ приверженецъ Россіи. Посылаю Вамъ мою статью объ Египтѣ. Прочтите, пожалуйста, послѣднія страницы. Она напечатана около 23-го іюля. Съ этихъ поръ мы имѣемъ полныя доказательства, во 1-хъ, что турки опять принимались за старыя привычки, во 2-хъ, что были жестокости въ нѣкоторыхъ случаяхъ надъ мусульманскими женщинами и дѣтьми. Это подтверждается свидѣтельствами, не допускающими сомнѣній. Я обязанъ продолжать вполнѣ безпристрастно: я думаю, мы уже знаемъ, что болгары совершали жестокіе поступки. Однако, нѣкоторыя раны нанесены пикой, а у болгаръ, говорятъ, пикъ нѣтъ. Странно было бы, среди всего окружающаго, если бъ ни одинъ русскій солдатъ не участвовалъ въ насиліяхъ: мы не можемъ считать каждаго солдата ангеломъ, въ то же время жестокость въ христіанинѣ хуже, чѣмъ жестокость турка. Я желалъ бы слышать, было ли немедленное и строгое наказаніе виновнымъ, если они были уличены. Долженъ сказать, что въ общемъ здѣсь свидѣлствуютъ о гуманномъ поведеніи русскихъ. Если Вы думаете, что было бы полезно знать мнѣніе Англіи, слѣдуетъ (какъ дѣлаютъ турки) снабжать англійскую печать подробными свѣдѣніями. Богъ въ своемъ милосердіи да приведетъ всѣ эти важныя событія къ хорошему концу. Вамъ преданный

Гладстонъ“.

Г-нъ Фриманъ, положеніе котораго было болѣе свободно и менѣе отвѣтственно, чѣмъ Гладстона, не тревожилъ Ольгу Алексѣевну разсужденіями о турецкихъ показаніяхъ противъ русскихъ солдатъ, которыя ее раздражали такъ же, какъ насъ раздражали нѣмецкія обвиненія англійскихъ солдатъ въ Бурскую войну.

20-го августа Фриманъ пишетъ:

„Нѣкоторые люди во главѣ съ лордомъ Страденъ желаютъ созывать митинги противъ Россіи. Я надѣюсь, что въ результатѣ этихъ митинговъ выгода будетъ на нашей сторонѣ, а не на ихъ. Полагаю, что правительство имѣетъ въ виду дѣйствительный нейтралитетъ, т. е. еврей и его шарлатаны имѣютъ большинство голосовъ въ кабинетѣ, но, конечно, онъ на всякій фокусъ способенъ. И конечно все, на что мы можемъ надѣяться, это удержать ихъ нейтралитетъ, хотя я и многіе не понимаемъ нейтралитета между Христомъ и дьяволомъ.

Мы всѣ горюемъ о Плевнѣ, никто не сомнѣвается, что дѣло поправимо, но это страшная потеря времени, людей и энергіи, а хуже всего то, что Южно-Балканскій народъ предоставленъ варварамъ. Я не знатокъ въ военномъ дѣлѣ, но вина должна быть въ чемъ-нибудь плохомъ командованіи“.

Сейчасъ послѣ второго пораженія подъ Плевной г-нъ Фриманъ въ первый разъ заговорилъ со мной о г-жѣ Новиковой. Онъ писалъ:

9-го сентября 1877 г.

„Я разсылаю Ваши статьи въ разныя страны Европы, пишетъ мнѣ г-жа Новикова. Вотъ какое впечатлѣніе Вы произвели на русскую даму, хорошо освѣдомленную въ политикѣ. Письмо ея держите въ тайнѣ“.

24-го августа 1877 г.

„Чѣмъ больше я читаю „Сѣверное эхо“, тѣмъ больше имъ восхищаюсь. Можете ли вы сказать мнѣ имя издателя? я бы очень желала съ нимъ познакомиться. Какую прекрасную статью изъ „Сѣвернаго эхо“ Вы мнѣ прислали.

Ольга Новикова“.

Сообщено Е. С. М.

